

АРТУР ШОПЕНГАУЭРЪ

ЭРИСТИКА ИЛИ ИСКУССТВО ПОБЕЖДАТЬ В СПОРАХ

ПЕРЕВОДЪ СЪ НЕМЕЦКАГО

Н. Л. д'Андре.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Складъ въ книжномъ магазинѣ Ф.И.МИТЮРНИКОВА,

Казанская ул., № 11.

1900

Эристика.

I.

Слова "логика" и "диалектика" уже въ древности употреблялись и считались синонимами, хотя глаголь обсуждать, думать, соображать и беседовать - два совершенно различныхъ понятія.

Подобное употребленіе этихъ выражений существовало въ средне вѣка и даже встречается иногда и по сию пору. Въ новѣйшія времена слово диалектика употреблялось некоторыми учеными, въ особенности Кантомъ, въ

отрицательномъ смыслъ, которые называли ее "софистическимъ способомъ вести прения" и но этой причине выше ставили слово "логика", какъ болѣе невинное выражение даннаго понятія. Собственно же говоря, эти оба слова имѣють совершенно одинаковое значение, поэтому за послѣдние годы на нихъ опять стали смотрѣть зачастую, какъ на синонимическая выражения.

Такое положение вещей меня нѣсколько стесняетъ и не даетъ возможности такъ, какъ

4

хотелось бы оттенить и отделить эти две науки: логику и диалектику. По моему мнѣнию, логику можно дать такое определение: "наука о законахъ мышления или способы деятельности разума" (отъ глагола обдумывать, обсуждать, происходящаго въ свою очередь отъ слова разумъ или слово); диалектика же, употребляя это выражение въ современномъ значении есть "искусство вести прения и споры или разговоры". Всякій разговоръ основанъ на приведеніи фактовъ или взглядовъ, то есть одинъ разъ бываетъ историческимъ,- другой разъ что-либо разбираетъ или

разсматриваетъ. Отсюда очевидно, что предметъ логики данъ цѣликомъ *a priori*, безъ всякой примеси чего-либо историческаго или, что въ область этой науки входятъ общие законы мышления, которымъ подчиняется всякій умъ въ тотъ моментъ, когда онъ предоставленъ самому себѣ, когда ничто ему не мышаетъ, следовательно въ периодъ уединеннаго мышления разумнаго существа, котораго ничто не вводитъ въ заблуждение. Наоборотъ, диалектика рассматриваетъ одновременную деятельность двухъ разумныхъ существъ, которые думаютъ въ одно и то же время, откуда, - конечно, возникаетъ споръ, то есть духовная борьба. Оба существа обладаютъ чистымъ разумомъ, и потому они должны бы были согласиться другъ съ другомъ; на самомъ

5

дѣль такого согласія нѣтъ и это несогласіе зависитъ отъ различныхъ индивидуальностей, присущихъ субъектамъ и потому должно считаться элементомъ эмпирическимъ. Такимъ образомъ логику, какъ науку мышления, то есть деятельности чистаго разума, можно было бы построить совершенно *a priori*; диалектику же по большей части только *a posteriori*, после практическаго уразумѣнія тѣхъ переменъ, ко-

торымъ подвергается чистая мысль, какъ результатъ индивидуальныхъ различий при одновременномъ мышлении двухъ разумныхъ существъ, а также послѣ ознакомления со средствами, которыя употребляетъ каждый изъ нихъ для того, чтобы выставить свои индивидуальныя мысли чистыми и объективными. А это происходитъ по той причине, что всякому человеку свойственно при совместномъ мышлении, то есть стоять ему только узнать, при взаимномъ обменѣ взглядовъ (кроме историческихъ разговоровъ), что чьи-либо мысли относительно даннаго предмета разнятся отъ его собственныхъ, то онъ вместо того, чтобы прежде всего проверить свою мысль, всегда предпочитаетъ допустить ошибку въ чужой мысли. Другими словами, всякій человекъ уже отъ природы желаетъ всегда быть правымъ; то именно, что возникаетъ изъ этой особенности людей, учить насъ одна отрасль науки, которую я

6

хотелъ бы назвать "диалектикой" или для устранения могущаго произойти недоразумѣнія "эристической диалектикою).

Такимъ образомъ это наука о стремлеши человека показать, что онъ всегда бываетъ правъ.

"Эристика" - только болъе резкое название
даннаго предмета.

"Эристическая диалектика" следовательно,
есть искусство вести споры, но такимъ обра-
зомъ, чтобы всегда оставаться правымъ, то есть
per fas et nefas. Въ концъ концовъ, объективно,
можно быть правымъ и не казаться таковымъ
другимъ, а даже очень часто и самому себѣ;
это бываетъ въ томъ случаѣ, когда противникъ
опровергаетъ наши доводы и когда это схо-
дитъ за опровержение всего спорнаго тезиса, въ
доказательство котораго можетъ существовать
много другихъ, неприведенныхъ нами въ дан-
ную минуту доводовъ. Въ такихъ случаяхъ
противникъ окружаетъ себя ложнымъ свѣтомъ,
кажется человѣкомъ, имѣющимъ резонъ, а на
самомъ дѣлѣ кругомъ неправъ. И такъ истина
спорнаго вопроса, взятая объективно, и сила
правоты или резона въ глазахъ спорящихъ и
слушателей - вещи совершенно различныя; эри-
стическая же диалектика всецѣло основана на
последней.

Если бы въ природѣ людей не существо-
вало зла, если бы мы были совершенно честны

при каждомъ обмѣнѣ мыслей, тогда безусловно

мы единственно старались бы добиться правды и не обращали внимания, чей взглядъ справедливъ высказанный ли первоначально нами самими, или же нашимъ противникомъ. Къ этому последнему взгляду мы отнеслись бы совершенно равнодушно, или по крайней мѣре не придавали бы ему такого важнаго значенія. Теперь же, наоборотъ, это составляетъ вещь первостепенной важности. Наша дума весьма раздражительна во всемъ, что касается интеллектуальныхъ силъ и никакъ не хочетъ согласиться, чтобы было ошибочно то, что мы сказали первоначально, а то, что сказалъ противникъ - справедливо. Имѣя въ виду это обстоятельство, следовало бы каждому человеку высказывать только правильные мнѣнія, а потому сперва думать, а потомъ говорить. Но кромѣ врожденнаго мышления большинству людей еще свойственна болтливость и врожденная недобросовестность. Говоримъ о чемъ-нибудь, совершенно не подумавши, и потомъ даже, если мы вскорѣ замѣтимъ, что наше мнѣние ложно и лишено основания, все-таки стремимся доказать во что бы то ни стало совершенно противное. Любовь къ правдѣ, которая въ большинстве случаевъ была единственнымъ по-

буждениемъ постановки тезиса, кажушимся
правдивымъ, совершенно уступаетъ место любви

8

къ собственному мнѣнію; такъ что правда та-
кимъ образомъ кажется ложью, а ложь
правдой.

Однако и эта недобросовестность, эта на-
стойчивая защита тезиса, фальшь, которую мы
сами сознаемъ отлично, имѣть достаточное
основание. Очень часто при началѣ разговора
мы бываемъ глубоко убеждены въ справедли-
вости нашего сужденія, но потомъ аргументъ
противника настолько силенъ, что опровергаетъ
и разбиваетъ насъ; если мы сразу откажемся
отъ своего убѣжденія, то весьма возможно,
что впоследствии убедимся, что мы были правы,
но что наше доказательство было ошибочнымъ.

Для защиты нашего тезиса можетъ быть и
были вѣскіе доводы и доказательства, но какъ
разъ на наше несчастье такой избавитель - ар-
гументъ не пришелъ намъ въ голову. Такимъ об-
разомъ мы создаемъ себѣ правило ведения
споровъ съ аргументами основательными и до-
казывающими предметъ и въ то же время до-
пускаемъ, что резонность противника только
кажущаяся и что во время спора можемъ слу-

чайно попасть на такой доводъ, который или разобьетъ окончательно аргументъ противника или какимъ либо инымъ образомъ обнаружитъ справедливость мнѣнія противника.

Благодаря этому, если мы и не при-
нуждены непременно быть въ споръ недобро-

9

совестными, то по крайней мѣрѣ легко очень можемъ случайно сделаться ими. Такъ взаимно поддерживаютъ другъ друга: немощь нашего суждения и превратность нашей воли. Отсюда происходитъ, что ведущи диспутъ борется не за правду, но за свой тезисъ, какъ *pro ara et focus*, ведетъ дѣло *per fas et nefas* и, какъ я раньше замѣтилъ, нелегко можетъ освободиться отъ этого. Всякій стремится одержать верхъ даже въ томъ случае, когда отлично сознаетъ, что его мнѣние ложно и ошибочно или сомнительно.

Макиавелли совѣтуетъ князю пользоваться каждой минутой слабости своего соседа, чтобы напасть на него. потому что въ противномъ случае этотъ же соседъ можетъ воспользоваться его минутной слабостью. Совсемъ иное дело, если бы господствовала правда и искренность; но нетъ возможности ни рассчитывать на нихъ,

ни руководствоваться этими принципами, потому что за такие хорошие качества награда бывает весьма плохая. Таким же образом следует поступать в споре. Весьма сомнительно, отплатить ли тебе противник тем же, если ты в споре отдашь ему справедливость, когда эта справедливость только кажущаяся; почти наврно можно сказать, что онъ не будетъ великодушничать а поведетъ дело *per nefas*; а отсюда выводъ, что и ты долженъ поступать

- 10 -

такъ же. Легко соглашусь съ темъ, что всегда надо стремиться къ правдѣ и что не надо быть пристрастнымъ къ собственнымъ взглядамъ; но откуда знать, будетъ ли другой человекъ придерживаться того же мнения, что и мы.

Помощниками в проведении тезиса могутъ служить в известной степени собственная ловкость и пронырливость. Этому искусству поучаетъ человека ежедневный опытъ, такъ что каждый имѣетъ собственную, природную диалектику, какъ и собственную логику, съ тою только разницею, что первая не такая вѣрная, какъ последняя. Люди рѣдко думаютъ и выводятъ заключения, противныя законамъ логики, ложныя суждешя весьма часты, но ложныя

заклучения очень рѣдки. Вотъ почему редко можно найти человека съ недостаткомъ собственной природной логики и такъ часто съ недостаткомъ природной диалектики. Диалектика - даръ природы, распределенной неравномерно, и потому она похожа на способность судить о вещахъ, способность, распределенная весьма неравно, между темъ какъ здравый разумъ, собственно говоря, распределяется довольно равномерно. Очень часто бываетъ, что кажущаяся аргументация сбиваетъ и опровергаетъ то, что по существу своему совершенно справедливо и резонно и наоборотъ, вышедший изъ спора победителемъ очень часто не столько обязанъ спра-

- 11 -

ведливости суждения при защите своего мнения сколько искусству и ловкости. Врожденный талантъ здѣсь, какъ и во всемъ, играетъ первую роль. Однако упражненіе и разсматриваніе различныхъ способовъ, при помощи которыхъ можно опровергнуть противника или которые самъ противникъ употребляетъ для доказательства своихъ мыслей, служатъ хорошей руководительницей въ данномъ искусстве. Вотъ почему логика не имеетъ никакого практическаго значенія, а наоборотъ диалектика обла-

даетъ имъ въ значительной степени. По моему
мнению, Аристотель построилъ свою логику, то
есть аналитику, исключительно такимъ образомъ,
чтобы она служила основой и вступлениемъ къ
диалектикѣ. Логика занимается только формой
утверждаеиъ, диалектика же изслѣдуетъ ихъ
суть и матерію; поэтому изслѣдоваше формы,
какъ общей вещи, должно предшествовать изсле-
дованію сути или подробностей. Аристотель не
оттеняетъ такъ сильно, какъ я, цѣли диалек-
тики: правда, онъ указываетъ на диспутъ, какъ
на главную цѣль, но въ тоже время, какъ на
стремленіе къ отысканію правды. Далѣе, онъ гово-
ритъ: "Надо разсматривать утверждения съ фило-
софской точки зренія, согласно съ ихъ правдой и
съ точки зренія диалектической, согласно съ ихъ
очевидностію и мышленіемъ другихъ людей". Прав-
да, Аристотель признаетъ независимость и раз-
- 12

ницу между объективной правдой тезиса и
чьимъ-либо подтвержденіемъ этого тезиса, но
делаетъ это признаше только вскользь, дабы
приписать это значеше исключительно диалек-
тикѣ. Вотъ почему его правила, касающаяся
диалектики, часто смешиваются съ такими пра-
вилами, цѣль которыхъ отыскиваніе правды. По-

этому мне кажется, что Аристотель не вполне выполнил свою задачу, стараясь в своей книжке: "de elenchis sophisticis" выделить диалектику от софистики и эристики, причем разница должна была состоять в том, что диалектические выводы истинны по отношению к форме и сути, а эристическое или софистическое нет. Последние разнятся между собою только целью: в эристических выводах эта цель определяется желанием быть правым, в софистических же, стремлением добиться таким путем почета или денег). Истинны ли суждения, что касается сути, вещь весьма сомнительная, потому что всегда отсюда же можно вывести основанную, при помощи которых можно сделать их различными; менее всего могут быть уверены в этом сами спорящие, даже результат спора может дать только сомнительное заключение.

По этой-то причине мы должны под диалектикой Аристотеля понимать также софистику

- 13 -

и эристику и определять ее, как искусство всегда быть правым во всех спорах.

Само собою разумеется, вся помощь заключается в том, чтобы действительно иметь ре-

зонъ. Но это условие, исключая все остальные, конечно недостаточно для людей; съ другой стороны, имея въ виду слабость ихъ разсудка, это не необходимая вещь. Следовательно, здесь необходимы другие искусственные приемы, которые, независимо отъ объективной правды, можно употреблять и при отсутствіи объективнаго резона, о действительномъ существовааніи котораго почти никогда нельзя судить съ полной увѣренностію.

Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, логика и диалектика должны быть отддлены другъ отъ друга большею отчетливостію и очевидно-стію, чѣмъ это сдѣлалъ Аристотель; логика должна заняться объективной правдой, насколько эта правда можетъ быть формальной, а диалектика должна ограничиться сдержаніемъ победъ въ спорахъ. Кроме того, не слѣдуетъ отделять диалектику отъ софистики и эристики, какъ это дѣлаетъ Аристотель, ибо это различіе основано на объективной, матерьяльной правде, относительно которой мы не можемъ судить съ полной увѣренностію прежде времени, но только вможемъ повторить за Пилатомъ "что такое истина?", ибо: "veritas est in puteo" Очень

часто послѣ оживленнаго спора, въ конце концовъ каждый изъ спорящихъ возвращается къ мнению своего оппонента. Такимъ образомъ по просту меняются собственными взглядами.

Не штука доказывать, что въ спорахъ надо имѣть въ виду только выяснение истины; именно вся суть заключается въ томъ, что неизвестно, где эта правда, когда аргументы противника и наши собственные вводятъ насъ въ заблуждение. Наконецъ: *re intellecta, in verhis simus faciles*; разъ на диалектику смотреть, какъ на науку равнозначащую логику, то, какъ было сказано раньше, назовемъ свою науку "*dialectica eristica*" - "эристической диалектикой". Главное правило, что предмета каждой науки надо строго выдѣлить отъ остальныхъ наукъ. Применяя это правило къ диалектикѣ, слѣдуетъ ее рассматривать исключительно, какъ искусство быть всегда правымъ, независимо отъ объективной истины, чего, само собою разумеется, въ сто разъ легче достигнуть, когда мы действительно бываемъ правы. Диалектика, какъ таковая наука, должна насъ учить, какъ должно защищаться отъ всякаго рода нападковъ, а въ особенности несправедливыхъ, затемъ, какъ нужно самому нападать на другихъ, не противореча себе самому,

и вообще не рискуя быть разбитым другим.

Необходимо совершенно отделить стремление к отысканию объективной правды от искусства

- 15 -

устраиваться таким образом, чтобы наши суждения казались всем справедливыми. Первое стремление совсем другая работа: это дело разсудка, способности рассуждать, опытности, чему неспособно научить никакое искусство: последнее же, наоборот, составляет цель диалектики. Ей дают определение: "логики очевидности". Это ошибочно, потому что в таком случае ею можно было бы пользоваться только при защите ложных суждений. Диалектика же необходима тогда, когда мы правы для того, чтобы мы могли защищать эту правоту; с этой целью необходимо знать все некрасивые, искусственные приемы, чтобы суметь отражать их, а даже очень часто пользоваться ими, чтобы сокрушить противника его же собственным оружием. Вот почему объективная правда совершенно не должна рассматриваться в диалектик, или рассматриваться, как нечто исключительное; задача этой науки состоит в том, чтобы учить, как следует защищать собственные суждения и как опровергать суж-

дения противника. Часто самъ спорящий положительно не знаетъ, правъ онъ или нѣтъ; а очень часто вполне убѣжденъ, что правъ, а на самомъ дѣлѣ заблуждается; еще чаще бываетъ, что оба споряще думаютъ, что каждый изъ нихъ правъ, а тутъ нмѣнно; "veritas est in puteo". Въ началѣ спора каждый изъ против-

-16-

никовъ убѣжденъ, что правда на его сторороне во время же спора оба начинаютъ колебаться конецъ же спора долженъ выяснить правду подтвердить ее. Поэтому самой диалектикѣ нечего заботиться объ этой правде, подобно тому какъ учителю фехтования нечего заботиться, кто былъ правъ въ ссорѣ, которая привела ихъ-обоихъ къ поединку. Наносить и отражать удары - вотъ что больше всего интересуетъ учителя. То же самое мы замѣчаемъ и въ диалектикѣ, этомъ фехтоваии умовъ. Только такимъ образомъ понимаемая диалектика можетъ составить одну изъ ветвей науки. Какъ скоро мы поставимъ себѣ целью единственно объективную правду, сейчасъ же вернемся къ чистой логике, если же, наоборотъ, докажемъ эту правду при помощи фалышивыхъ и ложныхъ суждений, вступимъ въ сферу настоящей софистики. И въ

томъ и въ другомъ случай обыкновенно допущается, что мы заранее знали, гдѣ правда и ложь - что очень рѣдко бываетъ известно раньше. Поэтому самое настоящее определение диалектики то, которое я привелъ раньше; диалектика - есть ничто иное, какъ умственная фехтовка для доказательства правоты въ спорахъ. Название "эристика" ближе определяетъ данное понятие, чѣмъ "диалектика", больше же всего, по моему мнѣнию, подходитъ название "эристическая диалектика".

- 17 -

Такъ понимаемая диалектика является только систематическимъ, правильнымъ сочетаниемъ и выяснениемъ различныхъ искусственныхъ приемовъ къ которымъ прибѣгаетъ въ спорахъ большинство людей, когда замечаетъ, что правота не на ихъ стороне, а въ то же время желаетъ во что бы то ни стало ея добиться. Поэтому было бы отсутствиемъ всякой последовательности имѣть въ виду въ научной диалектике объективную правду и ея выяснение, между темъ какъ въ основной, натуральной диалектикѣ этого нѣтъ, вся цѣль основывается единственно на томъ, чтобы одержать победу въ споре. Научная диалектика, въ томъ смысле, какъ мы ее по-

нимаемъ, заключаетъ изложение и анализъ искусственныхъ приемовъ, употребляемыхъ въ недобросовѣстномъ спорѣ для того, чтобы въ серьезныхъ спорахъ можно было сразу ихъ распознать и опровергнуть. Поэтому то главной и сознательной цѣлью диалектики должно быть желаніе одержать верхъ и остаться въ глазахъ противника и постороннихъ слушателей правымъ, а не объективная правда.

По моему мнѣнію, сколько я не наблюдалъ и не слѣдилъ, но этому вопросу почти еще ничего не сдѣлано. Поэтому поле представляется вполнѣ необработаннымъ. Чтобы достигнуть желанной цѣли, приходилось пользоваться опытомъ, наблюдениемъ, какъ приме-

18

няется въ спорахъ тот или другой способъ, наконецъ обобщать повторяющіеся подъ различными формами приемы и такимъ образомъ создать нѣкоторыя общія уловки, которыя могли бы сослужить службу; какъ для доказательства своихъ мнѣній, такъ и для того, чтобы опровергнуть чужія.

На слѣдующій отдѣлъ надо смотреть, какъ на первый опытъ въ этомъ отношеніи.

ОСНОВАНІЕ ВСЯКОЙ ДИАЛЕКТИКИ.

Вотъ на чемъ основывается сущность диспута публичнаго, академическаго, въ судахъ или, наконецъ; въ обыкновенныхъ разговорахъ:

Ставится тезисъ, который долженъ быть опровергнуть; для этого существуетъ два способа и два пути:

1) Способы бываютъ *ad rem* и *ad hominem*.

При помощи перваго мы опровергаемъ, абсолютную или объективную истину тезиса доказывая несогласие съ настоящими чертами, отличающими предметъ, о которомъ идетъ рѣчь.

При помощи же втораго, мы опровергаемъ относительную истину тезиса, доказывая, что эта последняя противорѣчитъ другимъ суждениямъ или взглядамъ противника; или же доказываетъ несостоятельность его аргументовъ, при чемъ объективная истина предмета остается

19

въ конце концовъ невыясненной. Напримѣръ, если въ споръ о философскихъ или естественно-научныхъ предметахъ противникъ (который въ такомъ случай навѣрняка англичанинъ) позволяетъ себѣ цитировать библейскіе аргументы, то мы имѣемъ полное право опровергнуть его при помощи техъ же аргументовъ, хотя такіе

аргументы только *ad hominem*, невыясняющие существа дѣла. Это похоже на то, какъ если бы кто-либо сталъ платить долги фальшивыми деньгами, которыя были получены имъ отъ того же кредитора. Такого рода *modus procedendi* можно во многихъ случаяхъ сравнить съ представлениемъ на судъ подложнаго обязательства, на которое ответчикъ съ своей стороны отвѣчаетъ подложной квитанщей; хотя заемъ могъ существовать на самомъ деле. Такъ же какъ въ послѣднемъ случаѣ, аргументация *ad hominem* имѣетъ преимущество краткости, ибо очень часто правдивое и толковое выяснение правды потребовало бы слишкомъ много труда и времени.

2) Что касается того, какъ слѣдуетъ поступать, то стремиться къ достиженію цѣли можно двоякимъ путемъ: прямымъ или косвеннымъ.

При помощи перваго пути мы нападаемъ на первооснову тезиса, а при посредствѣ втораго на его результаты. Первымъ путемъ мы дока-

- 20 -

зываемъ несправедливость тезиса, вторымъ, что такой тезисъ не можешь быть правдивымъ

Разсмотримъ вышесказанное подробнее:

а) Опровергая прямымъ путемъ, то есть на-

падая на основания тезиса, мы или показываемъ, что сами они неверны, говоря *nego maiorem* или *nego minorem*, и въ обоихъ случаяхъ нападая на материю, служащую основаниемъ заключения; или же мы допускаемъ эти основания, но показываемъ, что тезисъ не вытекаетъ изъ нихъ и говоримъ следовательно: *nego consequentiam*, нападая такимъ образомъ на форму заключенія.

3) Опровергая косвеннымъ путемъ, то есть нападая на тезисъ при помощи его следствий, на основании неточности этихъ последнихъ, выводимъ заключение о неточности и неверности самаго тезиса по закону *a falsitate rationati ad falsitatem rationis valet consequentia*, при этомъ мы можемъ воспользоваться или прямой инстанцией или апогией.

Instatitia есть только *exemplum in contrarium*, она опровергаетъ тезисъ, показывая предметы или отношенія, содержащіяся въ положеніи и вытекающія изъ него, къ которымъ однако не можетъ быть применима, а следовательно не можетъ быть правдивой.

Апогеей пользуемся въ томъ случае, когда временно признаемъ правильность тезиса, но

потомъ связываемъ съ нимъ какое-то другое, признанное истиннымъ или безусловно истинное положение, такъ чтобы взятые вместе они сделались бы посылками того заключения, которое съ полною очевидностью для всехъ было выведено ошибочно; ибо оно или противоречить самому существу вещей или свойству предмета, о которомъ идетъ речь, признанному достоверно, или же наконецъ другому положению лица, которое выставило тезисъ. Отсюда апогога можетъ быть *ad hominem* и *ad rem*. Если выводъ противоречить несомнѣннымъ истинамъ, достоверность которыхъ очевидна всемъ даже *a priori*, то это доказываетъ, что мы довели противника *ad absurdum*.

Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ ложность заключения противника должна зависеть отъ его тезиса; разъ достоверность оставшихся посылокъ не подлежитъ сомнению, то тезисъ не можетъ быть веренъ.

Всякая придирка въ споръ можетъ быть всегда подведена подъ одинъ изъ приведенныхъ выше формальныхъ способовъ и потому въ диалектикѣ эти способы играютъ ту же роль, что при фехтовании удары, наносимые противнику по правиламъ. Приведенныя дальше уловки

можно сравнить со стратегическими хитростями и увертками, а особенныя придирки въ спорах съ тем, что учителя фехтованія называютъ "свинскими ударами".

22

II.

У л о в к и.

Уловка 1. Распространение. Необходимо вывести положеше противника изъ естественныхъ, натуральныхъ предѣловъ, обсуждать его въ самомъ общемъ и обширномъ смысле и расширить его какъ можно больше. Чемъ общее утверждение, тѣмъ больше открывается поле дѣйствія и тѣмъ более открыто для нападенія и придирокъ. Вспомогательнымъ средствомъ служить точная и подробная постановка *puncti* или *status controversiae*.

Примѣръ 1. Я доказывалъ, что "первою считается англійская драма". Противника хотѣлъ воспользоваться инстанщей и замѣтилъ, что, "насколько всемъ известно, англичане не создали ничего выдающагося ни въ музыкѣ, ни въ оперѣ". Я возражаю, что музыка не входитъ въ составъ понят о драмѣ; последняя обозначаетъ только трагедию и комедию, о чемъ противникъ отлично зналъ, только хотѣлъ обоб-

щить мое положение, распространивъ его на театральныя представления, а следовательно на оперу и музыку, съ тою целью, чтобы навѣрняка разбить меня впоследствии. Наоборотъ, спасти свое положеше можемъ, если станемъ его какъ можно больше суживать и, конечно, если съумеемъ соответственнымъ образомъ выразить свои мысли.

Примеръ 2. Ламаркъ (Philosophie zoologique, vol. I, p. 206) утверждаетъ, что полипы лишены всякаго ощущешя на томъ основаньи, что у нихъ совершенно нѣтъ нервовъ. Между тѣмъ не подлежитъ ни малейшему сомнению, что полипы ощущаютъ, такъ какъ идутъ на свѣтъ, осторожно перемѣщаются съ вѣточки на вѣтку, чтобы схватить добычу. Отсюда следуетъ предположение, что нервная система полиповъ равномерно распределена въ общей массѣ всего организма, какъ будто слилась съ нимъ въ одно цѣлое, ибо совершенно очевидно, что эти животныя получаютъ раздельныя впечатленія, не обладая отдельными органами чувствъ. Такъ какъ только-что сказанное достаточно ясно опровергаетъ гипотезу Ламарка, то этотъ ученый прибѣгаетъ къ следующаго рода диалектической

выкрутокъ: въ такомъ случаѣ всѣ составныя части организма полипа должны быть приспособлены ко всякимъ ощущениямъ, а также къ движению, къ волѣ и мышлению; тогда полипъ

24

имелъ бы въ каждомъ пунктѣ своего тела всѣ органы наиболее совершенныхъ животныхъ, а следовательно каждый пунктъ могъ бы видеть, обонять, слышать и т. д., даже думать, соображать и дѣлать заключения; каждая часть его тѣла была бы совершеннымъ животнымъ и самъ полипъ сталъ бы существомъ даже болѣе высшимъ чѣмъ человѣкъ, ибо каждая частичка его тѣла обладала бы всѣми тѣми качествами, которыми человѣкъ обладаетъ только въ целомъ. Затѣмъ не было бы никакого препятствія распространить все то, что было сказано о полипахъ, и на монады, эти самыя несовершенныя существа, а затѣмъ и на растения, которыя также живутъ, и т. д. Употреблениемъ такого рода диалектическихъ уловокъ авторъ самъ выдаетъ себя и показываетъ, что онъ самъ признаетъ себя въ душѣ неправымъ. Изъ утверждения, что целое тело полипа способно къ восприниманию свѣтового ощущения Ламаркъ дѣлаетъ заключение, что целое тело полипа думаетъ...

Уловка 2. Воспользоваться хомонимией съ
цѣлью распространения положения на то, что
или ничего, или во всякомъ случаѣ очень мало
имеетъ общаго, кроме идентичности самага
слова съ предметомъ, о которомъ идетъ речь,
потомъ искусно отразить это и сделать видъ,
что опровергнуто само положение.

П р и м ѣ р ъ. Я поносилъ издавна сложив-
шееся мнение, что по нанесении кому-либо

25

оскорбления честь этого пострадавшаго субъекта
запятнана до тѣхъ поръ, пока оскорбление не
будетъ смыто кровью противника или своею соб-
ственною. Какъ на главное основание моего мнения,
я указывалъ на то, что честь не можетъ быть запят-
нана темъ, что человекъ выносить и терпитъ отъ
другихъ людей, но только своими собственными
поступками, потому что никто не можетъ ру-
чаться ни за что и ни отъ чего не можетъ быть
вполнѣ гарантированъ. Противникъ замъ-
тилъ, что если какого-нибудь купца непра-
вильно обвиняютъ въ надувательствъ, нечестно-
сти и безалаберномъ ведении дѣла, то такое
обвинение оскорбляетъ его честь, приносить ма-
териальные убытки, и что въ такомъ случаѣ,
чтобы возстановить свое честное имя, онъ дол-

жень призвать клеветника къ ответственности
и заставить его взять свои слова назадъ.

Такимъ путемъ при помощи homonimii онъ под-
сгавиль мещанскую честь или доброе имя, обез-
славленное клеветой, на место рыцарской чести,
иначе называемой "point d'honneur", которая
можетъ быть опорочена простой обидой. Далѣе,
такъ какъ оскорбление перваго рода чести въ
цѣляхъ чисто утилитарныхъ не можетъ быть
оставлено безъ послѣдствія, но должно быть
опровергнуто гласно, публично, то на основании
того же самаго оскорбленія рыцарской чести не

26

можетъ быть оставлено безъ мести, но должно
быть смыто и опровергнуто еще болѣе сильной
обидой и поединкомъ. Благодаря хомонимии,
въ словъ "честь" происходитъ смешение двухъ
совершенно различныхъ понятій.

Уловка 3. Утверждение, выставленное
только относительно, relative, прини-
мается вообще, simpliciter, absolute или по
крайней мере, понимается въ совершенно
иномъ смысле, и затѣмъ въ этомъ именно
смыслѣ опровергается. Вотъ примѣръ Аристо-
теля: "Мавръ черенъ, но что касается зубовъ -
бѣлы; итакъ, онъ въ то же время черенъ и не че-

ренъ". Это вымышленный примъръ, который на дъле никого не обманеть; возьмемъ другой изъ действительной жизни.

Прямърь. Въ одномъ философскомъ разговоръ я призналъ, что моя система защищаетъ и хвалить квиетистовъ; вскоръ послъ того рчь зашла о Гегель и я утверждалъ, что онъ большею частью писалъ ерунду или, что авторъ ставить слова, а читатель долженъ добавить имъ смыслъ. Противникъ не сталъ опровергать этого *ad rem*, но ограничился тьмъ, что выставилъ аргументъ *ad hominem*: "вы только что хвалили квиетистовъ, а они тоже писали много ерунды".

Я согласился съ этимъ, но сдълалъ поправку въ томъ отношении, что хвалю квиетистовъ не

- 27 -

какъ философовъ и писателей и потому не за ихъ теоретическия произведения, а какъ людей за ихъ поступки въ практическомъ отношении. Что же касается Гегеля, то рчь идетъ о теоретическихъ произведенияхъ.

Такимъ образомъ нападение было отражено.

Первыя три уловки имъють много общаго, а именно: Противникъ говорить не о томъ, о чемъ начали спорить. Кто позволить, чтобы его

опровергнули одного изъ этихъ уловокъ, тотъ доказываетъ *ignoratio elenchi*. Все, что говорить противникъ въ этихъ уловкахъ справедливо; но между его положениемъ и поставленнымъ тезисомъ нѣтъ дѣйствительнаго противорѣчя, а только кажущееся, а потому тотъ, на кого направлена атака, долженъ отрицать заключение, а именно выводъ неверности тезиса изъ вѣрности положения противника, а это составляетъ прямое сбивание доводовъ его собственнаго сбивания доводовъ *per negationem consequentiae*.

Уловка 4. Не допускать вѣрныхъ посылокъ, предвидя заключение.

Есть два средства:

а) Когда желаешь вывести заключение, не надо обнаруживать его слишкомъ рано, но во время разговора добывать посылки поодиночке,

- 28 -

ибо въ противномъ случай противникъ можетъ пробовать и пользоваться всякаго рода придирками. Когда сомнительно, согласится ли противникъ съ твоими посылками, следуетъ поставить посылки посылокъ, построить просиллогизмы, затѣмъ ловко выманить, безъ всякаго опредѣленнаго порядка, посылки некоторыхъ

просиллогизмовъ, прикрывая такимъ образомъ свою игру до тех поръ, пока не согласятся съ тем, что тебѣ нужно. Такое правило предлагаетъ Аристотель (Тор. lib. YIII, с. 1). Примеры излишни.

б) Для доказательства своего тезиса можно пользоваться и ложными посылками, если противникъ не соглашается съ верными, или если онъ не убежденъ въ ихъ вѣрности, или если замѣчаетъ, что изъ нихъ прямо вытекаетъ нужный для твоего доказательства выводъ. Тогда надо воспользоваться положениями, по существу своему ложными, но верными *ad hominem*, и аргументировать, исходя изъ способа мышления противника, *ex concessis*. Правду можно доказать при помощи ложныхъ посылокъ, хотя никогда наоборотъ. Можно также опровергать ложныя положения при помощи ложныхъ же положений, если противникъ считаетъ ихъ вѣрными, и потому надо такъ поступать, что-бы всегда применяться къ его взглядамъ. Если, на-примѣръ, противникъ - последователь какой-ни-

- 29 -

будь секты, которую мы отрицаемъ, то мы имѣемъ право употребить, какъ *principia* противъ него изречения этой секты (Arist. Тор. VIII, с. 9).

Уловка 5. Сдѣлать изподтишка *petitio prin-*
cipii по отношению того, что следует доказать, или:

1) подъ другимъ названіемъ (например, вмѣ-
сто чести говорить доброе имя, вмѣсто дев-
ственность говорить добродетель, 2) когда
въ споре дело касается подробностей, требо-
вать общаго допущенія; наприкладъ, доказывая
несостоятельность и неуверенность медицины,
требовать допустить несостоятельность всей на-
уки людей; 3) когда, наоборотъ, два положе-
нія вытекаютъ одно изъ другого и надо до-
казать первое, домогаться допустить второе;
4) когда, требуется доказать какой-нибудь пред-
метъ въ общемъ, требовать, чтобы согласились
по очереди со всѣми подробностями (Arist.
Тор. VIII, с. 3).

Что касается упражненій въ диалектике, то
очень хорошія указанія можно найти въ по-
слѣднемъ отдѣлѣ "Торіка" Аристотеля.

Уловка 6. Когда споръ ведется серьезно и
со всѣми формальностями, и одинъ непременно
хочетъ совершенно понять другого, тогда тотъ,
кто поставилъ тезисъ и желаетъ его доказать,
долженъ постоянно обращаться къ противнику
съ вопросами, чтобы изъ его допущеній заклю-
чить объ истинѣ утверждения. Эта эроте-

матическая метода была во всеобщем употреблении у древних (иначе она называется сократовскою). К этой методъ можно отнести настоящий способъ и некоторые другие изъ последующихъ, обработанныхъ по теории Аристотеля (*de elenchis sophisticis* с. 15).

Задавать вопросовъ надо много и долго для того, чтобы скрыть то, на что ожидаешь и желаешь подтверждения. Кроме того, наоборотъ, надо быстро излагать свою аргументацию изъ допущеннаго, ибо кто быстро схватываетъ мысли, тотъ не можетъ и не имѣть времени заметить возможные ошибки и погрешности въ доказательствахъ.

Уловка 7. Стараться раздражать противника ибо подъ влияниемъ гнева онъ не въ состоянii следить за собою и высказывать правильный мнѣния, ни даже заметить свою правоту. Гнѣвъ же можно вызвать постоянными придирками и явнымъ недобросовѣстнымъ отношенiемъ.

Уловка 8. Задавать вопросы, не въ томъ порядкѣ, какъ того требуетъ заключение, но съ перерывами. Въ такомъ случаѣ противникъ не знаетъ, къ чему относятся эти вопросы и потому не можетъ предупредить ихъ

результатовъ, а вслѣдствие этого можно воспользоваться его ответомъ для различныхъ выводовъ, даже для прямо противоположныхъ, смотря по тому, каковыми они окажутся. Такой

31

способъ похожъ на 4-ую уловку, гдѣ точно также надо маскировать свои дѣйствія.

Уловка 9. Когда замечаешь, что противникъ намеренно отвѣчаетъ отрицаниемъ на вопросы тамъ, гдѣ мы могли бы воспользоваться утверждениемъ для нашего положения, надо спрашивать обратное, тому, чего требуетъ положение, какъ бы желая его утверждения или, по крайней мѣрѣ, предоставляя ему то и другое на выборъ, такъ чтобы онъ не замѣчалъ, какого утверждения мы добиваемся.

Уловка 10. Когда мы строимъ индукцію и противникъ соглашается съ отдельными случаями, при которыхъ она можетъ быть поставлена, не следуетъ задавать ему вопроса, соглашается ли онъ такъ же съ общей истиной, вытекающей изъ этихъ случаевъ, но ввести ее какъ окончательно признанную, такъ какъ иногда и самому противнику можетъ показаться, что онъ призналъ ее, и постороннимъ слушателямъ, помнящихъ вопросы объ отдѣль-

ныхъ фактахъ, которые должны бы были привести къ этой цѣли.

Уловка 11. Если рѣчь идетъ о такомъ общемъ понятии, которое не имѣетъ особаго названія, а должно быть обозначено фигурально при помощи сравнений, то мы должны избрать такое сравнение, которое больше всего соответствовало бы нашему утверждению. Такъ,

- 32

напримѣръ, имена, которыми обозначаются въ Испаніи общіе политическія партіи, *serviles* и *liberales*, придуманы и выбраны, безъ всякаго сомнѣнія, этими последними. Имя протестантовъ избрано, конечно, ими самими, равно какъ и названіе евангелической церкви, имя еретиковъ дано имъ католиками. То же можно сказать относительно болѣе точныхъ названій вещей. Такъ, напримѣръ, противникъ предложить какое-нибудь измѣненіе: его называютъ "нововведшемъ", такъ какъ это слово выражаетъ антипатію; и поступаютъ наооборотъ, когда сами дѣлаютъ предложеніе. То, что человекъ совершенно незаинтересованный назоветъ "культомъ" или "общественнымъ вероисповѣданіемъ", другой называетъ "богобоязнью", "набожностью". Въ сущности это ничто иное, какъ деликатное

petitio principii: то, что желают доказать, то напередъ какъ будто помещаютъ въ слово, въ название, изъ котораго оно затемъ вытекаетъ посредствомъ простого аналогического суждения. То, что одинъ называетъ "подвергнуть личному задержанию, взять подъ стражу", противникъ его называетъ "запереть". Говорящий нерѣдко заранее выдаетъ свое намерение теми именами, которыми называетъ вещи. Одинъ говоритъ, "духовенство", другой - "попы".

Изъ всѣхъ уловокъ эта самая употребительная, инстинктивная. Ревность релипозная - фанатизмъ. Галантность - прелюбодеяние. Двухсмысленность - сальность. Плохое ведение дѣлъ - банкротство. Посредствомъ влияния и связей - при помощи подкупа, nepотизма. Справедливая признательность - хорошая плата.

Уловка 12. Дабы заставить противника согласиться съ темъ или другимъ утверждениемъ, надо поставить прямо противоположное положение и предоставить ему выборъ причемъ надо выразить это последнее положение такъ ясно, чтобы противникъ, избегая обвиненія въ парадоксальности, принялъ наш тезисъ.

Уловка 12. Дабы заставить противника согласиться съ темъ или другимъ утверждениемъ, надо поставить прямо противоположное положение и предоставить ему выборъ причемъ надо выразить это последнее положение такъ ясно, чтобы противникъ, избегая обвиненія въ парадоксальности, принялъ наш тезисъ.

Напримеръ, мы желаемъ, чтобы противникъ согласился с темъ, что такой-то из нашихъ знакомыхъ долженъ во всемъ повиноваться своему отцу, что бы онъ ему не приказывал. Мы задаемъ вопросъ: следуетъ-ли слушать родителей - или нет? Или, когда говоримъ о чемънибудь: "часто" - спрашиваемъ, много или мало случаевъ надо подразумевать подъ словомъ "часто". Совершенно аналогично тому, какъ, если бы кто-либо положилъ серый предметъ, рядомъ съ чернымъ. Въ такомъ случай этотъ предметъ можно назвать белымъ: если же положить его рядомъ съ белымъ, назовутъ его чернымъ.

Уловка 13. Нечестную штуку устраиваемъ тогда, когда после нѣсколькихъ заданныхъ во-

- 34 -

просовъ, на которые противникъ ответилъ такъ тонко, что мы не можемъ ими воспользоваться, для вывода желаемого заключения. Она состоятъ въ томъ, что мы дѣлаемъ заключение, которое какъ будто доказано этими ответами противника и провозглашаемъ его съ триумфомъ. Если противникъ застенчивъ, не-смѣль или прямо глуповать, а сами мы обладаемъ порядочной долей безстыдства нехо-

рошей глоткой, это может очень легко удаться.

Такого рода способъ принадлежитъ къ "fallacia non causae ut causae".

Уловка 14. Если мы поставили парадоксальный тезисъ и затрудняемся доказать его, тогда предлагаемъ противнику какой-нибудь другой верный, хотя и не совсемъ очевидный тезисъ для того, чтобы почерпнуть изъ него материалъ для доказательства. Если же въ умъ противника вкрадется подозрѣние и онъ отброситъ этотъ послѣдний тезисъ, то надо довести его ad absurdum и тогда торжествовать; если же онъ согласится съ нами, то следовательно, какъ бы то ни было, мы скажемъ нечто разумное и потому можемъ искать чего-нибудь другого, или же, наконецъ, присоединяемъ еще предъидущую уловку и утверждаемъ, что такимъ путемъ мы доказали свой парадоксъ. Конечно, это доказываетъ полное отсутствие его стыда, но темъ не менѣе въ

- 35 -

обыденной жизни встречается очень часто; есть даже люди, которые поступаютъ такимъ образомъ совершенно инстинктивно.

Уловка 15 Argumenta ad hominem или ex concessis. При утверждении противника

необходимо посмотреть не противоречить ли оно такимъ или другимъ образомъ, хотя бы съ чемъ нибудь, что доказывалъ, или съ чѣмъ онъ согласился раньше. Далее, не противоречить ли оно тезису школы или секты, которую онъ хвалилъ и одобрялъ, деятельности последователей этой секты, хотя бы ныне и не существующихъ но только кажущихся, наконецъ тому, что онъ самъ дѣлаетъ или не делаетъ.

Напримѣръ, если противникъ защищаетъ самоубійство, обязательно надо спросить его, почему онъ самъ до сихъ поръ не повесился, или если утверждаетъ, что Берлинъ нехоропий городъ и что въ немъ не возможно жить, спроси его, почему онъ не уѣзжаетъ оттуда съ первымъ поѣздомъ. Придирку можно найти всегда и во всякомъ случае.

Уловка 16. Если противникъ теснить насъ обратнымъ доказательствомъ, мы можемъ спастиъ какимъ нибудь тонкимъ ризличениемъ, о которомъ прежде мы не думали, правда, если только предметъ допускаетъ двойное значение или двойной случай.

Уловка 17. Если замечаемъ, что противникъ

попалъ на аргументацию, при помощи которой

может опровергнуть наше положеше, мы, не допуская до этого, должны прервать споръ и перескочить или перенести его на другое положение, однимъ словомъ устроить "*mutatis controversiae*" или сразу начать съ чего либо совсѣмъ другого, какъ будто оно относится къ дѣлу и составляетъ аргументъ противъ собеседника.

Когда диверсия относится такъ или иначе къ *thema quaestionis*, то эта уловка совершается съ некоторою скромностію; съ нахальствомъ же и наглостію, когда диверсия касается единственно одного противника и не имѣетъ никакого отношенія къ самимъ предметамъ. Например, я хвалилъ китайцевъ за то, что у нихъ нѣтъ родового дворянства, и что должности даются единственно по выдержании экзаменовъ.

Мой противникъ доказывалъ, что образование столь же мало снособствуетъ получению должностей, какъ и происхождение (которому онъ придавалъ известное значеніе). Естественно дѣло приняло для него дурной оборотъ; онъ немедленно сдѣлалъ диверсію, что въ Китае все касты безъ исключенія подвергаются наказанію палочными ударами, поставилъ это въ связь съ усиленнымъ чаепитіемъ и въ конце концовъ за

то и другое сталъ ругать китайцевъ.

Если бы кто-нибудь вдаля въ подробное
разсмотрѣние всего этого, слишкомъ далеко
удалился бы отъ своего предмета и безусловно
остался бы побежденнымъ.

Съ полнымъ безстыдствомъ ведется споръ
тогда, когда диверсія совершенно оставляетъ
сущность вопроса и начинается, на примѣръ,
следующимъ образомъ:

"ведь еще раньше вы также доказывали и
т. д.", тогда уже надо приспособляться къ
лицу, съ которымъ ведется споръ, о чемъ бу-
детъ сказано въ послѣдней уловкѣ. Собственно
говоря, это средняя ступень между объясняе-
мымъ тамъ "argumentum ad personam" и
"argnmentuni adhominem". Каждый споръ,
происходящій между людьми, показываетъ въ
достаточной степени, насколько эта уловка
обща и врожденна. Разъ одинъ дѣлаетъ замѣ-
чания, касающіяся личности, а другой ихъ не
опровергаетъ, а въ свою очередь обращается
къ своему противнику съ такими же замѣча-
тями, оставляя безъ отвѣта тѣ, которыя сде-
ланы ему самому, то этимъ самымъ онъ при-
знаетъ ихъ справедливость.

Въ этомъ случай онъ поступаетъ подобно

Сципиону, который напалъ на кароагенянь не въ
Италии, а въ Африки. На войнь подобнаго рода
диверсия можетъ принести пользу, но въ спо-
рахъ и перебранкахъ она совсѣмъ не годится,
потому что полученные упреки остаются совер-
38 -

шенно неопровергнутыми и посторонний слуша-
тель узнаетъ самыя дурныя и компрометирующія
вещи о той и другой стороне; въ спорахъ
употребляется ея *faute de mieux*.

Уловка 18. Если противникъ желаетъ, что-
бы мы прямо возразили противъ того или дру-
гого пункта его тезиса, а мы въ данный мо-
ментъ не можемъ ничего ответить подходящаго,
то мы должны совершенно обобщить предметъ
и тогда только начать разбивать его. На-
примѣръ, приходится высказать свое мнѣние,
почему та или другая физическая гипотеза не
заслуживаетъ доверія - тогда пачинаемъ гово-
рить о несостоятельности и вообще о несовер-
шенствѣ науки у людей и какъ можно длиннее
и запутаннее начинаемъ доказывать это несо-
вершенство. Когда же намъ удалось выманить
и вытянуть отъ противника посылки, съ кото-
рыми онъ согласился, не следуетъ спрашивать
про заключение, а вывести его самостоятельно

и даже, если не хватить той или другой посылки, должны и ее принять за допущенную противником и делать выводъ.

Уловна 19. Если замечаемъ, что противникъ приводитъ какой-нибудь фантастический или призрачный аргументъ, можемъ, правда, легко опровергнуть его, разбирая заключающуюся въ немъ фальшь и фантазию, но чтобы короче и скорѣе достигнуть желаемого результата, го-

- 39 -

раздо удобнее ответить такимъ же ложнымъ и софистическимъ, прямо противоположнымъ аргументомъ, такъ какъ вся суть не въ правдѣ, а единственно въ одной только победе. Напримеръ, если противникъ приводитъ аргументъ *ad hominem* достаточно парализовать его обратнымъ аргументомъ *ad hominem* (*ex concessis*).

Уловка 20. Противорѣчье и запальчивость въ споръ побуждаетъ только къ излишнему преувеличению тезиса. Такимъ путемъ мы можемъ принудить противника къ расширению тезиса, который, переходя за границу истины, самъ по себѣ правиленъ; когда намъ удастся разбить сделанное такимъ образомъ обобщение, будетъ казаться, что мы опровергнули основной

тезисъ. И наоборотъ, мы должны беречься, чтобы сами, увлекшись споромъ, не впали въ обобщение или черезчуръ широкое распространение нашего положения. Часто противникъ старается самъ расширить нашъ тезисъ дальше, чѣмъ мы это сделали; тогда следуетъ остановить его и ввести споръ въ извѣстныя границы, говоря: "вотъ что я сказалъ, по отнюдь не больше".

Уловка 21. Вылавливание заключения. Выводимъ изъ тезиса противника при помощи ложныхъ выводовъ и искажения понятий такія утверждения, которыхъ въ тезисъ совершенно

- 40 -

нѣтъ и которыя совершенно противорѣчатъ взглядамъ противника. Но такъ какъ кажется, что изъ его положения вытекаютъ другія, которыя находятся въ противорѣчии или между собою или съ общепринятыми истинами, то это сходитъ за косвенное опровержение, за апогогу и составляетъ опять примѣнение *fallacia non causae ut causae*.

Уловка 22 Апогога при помощи инстанции, *exemplum in contrarium*. Въ то время, какъ *inductio* требуетъ много слу-
чаевъ, чтобы поставить общий тезисъ апогоге

должна поставить только одинъ случай, къ которому тезисъ не подходитъ и бываетъ опровергнуть. Такого рода случай называется инстанцией, *exemplum in contrarium, instantia*.

Напримѣръ, тезисъ: "всѣ жвачныя животныя имѣютъ рога", опровергается одной инстанцией верблюды. Инстанция, такимъ образомъ, есть случай, когда общая истина применяется къ чему либо такому, что должно заключаться въ ея основномъ понятіи и по отношенію къ которому она недействительна и потому сама падаетъ.

Въ этомъ случаѣ легко впасть въ ошибку, а потому надо обращать вниманіе: 1) Действительно ли вѣренъ примѣръ; бываютъ вопросы, въ которыхъ единственное возможное рѣшеніе состоитъ въ томъ, чтобы случай при-

- 41 -

знать неестественнымъ, напримеръ, масса чудесъ, исторіи привидѣній и т. д. 2) Действительно ли примѣръ применимъ къ понятію выставленной истины; очень часто случается, что это только кажется и потому вопросъ самымъ простымъ путемъ рѣшается при помощи простого точнаго различія. 3) Действительно ли примѣръ находится въ противорѣчій съ выставлен-

ною истиной, такъ какъ очень часто и это противорѣчiе бываетъ только призрачнымъ.

Уловка 23. Хороший ударъ противнику зависитъ отъ *retorsio argumenti* то есть, когда аргумента, которымъ хочетъ воспользоваться противникъ еще лучше можетъ быть употребленъ противъ него самого. Напримеръ, когда говорить: "вѣдь это ребенокъ, к нему нельзя относиться строго - употребляемъ *retorsio* - "вотъ потому-то его и надо учить, чтобы онъ не выросъ и не свыкся со своими дурными привычками.

Уловка 24. Если при какомъ нибудь приведенномъ удачно аргументе противникъ начинаетъ видимо злиться, надо усиленно пользоваться этимъ аргументомъ и даже злоупотреблять имъ, не только по той причине, что онъ раздражаетъ и дразнить противника, но и потому, что благодаря такому факту мы можемъ смело вывести заключение, что нечаянно на-

- 42 -

пали на слабую сторону и следовательно легко можемъ поймать его на чемъ-нибудь.

Уловка 25. Эту уловку можно употребить особенно въ томъ случае, когда ведется споръ между учеными людьми въ присутствии неу-

ченныхъ слушателей и когда вдругъ явится недостатокъ въ *argumentum ad rem*, а даже и *ad hominem*. Тогда употребляютъ *argumentum ad auditores*, то есть дается отвѣтъ негодный, но негодность котораго можетъ определить только человекъ, хорошо знакомый съ существомъ дела; таковъ противникъ, но не слушатель. Поэтому въ глазахъ этихъ послѣднихъ противникъ останется побѣжденнымъ, въ особенности же, если отвѣтъ выставить его тезисъ въ смѣшномъ видѣ. Все люди всегда готовы смеяться и те, которые смеются, всегда будутъ на нашей сторонѣ. Чтобы обнаружить фальшь отвѣта, пришлось бы прибегнуть къ длинному анализу и къ главнымъ основамъ науки или, наконецъ, къ другимъ какимъ нибудь источникамъ, а для этого не много найдется охотниковъ слушать.

Примѣръ. Противникъ утверждаетъ что при первоначальной формации горъ масса, изъ которой кристаллизировался гранитъ и все остальные горы, была въ жидкомъ состоянii отъ жара, следовательно расплавлена. Жаръ долженъ былъ быть приблизительно въ 200° R

Масса кристаллизировалась подъ прикрываю-

щей ее морской поверхностью. Мы дѣлаемъ
argumentum ad auditores, что при такой
температуре и даже раньше при 80° море вы-
кипело бы и носилось бы въ воздухе въ па-
рообразномъ состояннн. Слушатели смеются.
Чтобы опровергнуть насъ, противнику приш-
лось бы показать, что точка кипения зависитъ
не только отъ степени тепла, но въ равной
мѣрѣ и отъ давления атмосферы, а оно въ свою
очередь до такой степени повышается, какъ
только половина морской воды носится въ па-
рахъ, что и при 200° не наступаетъ кипения.
Но до того онъ не дойдетъ, такъ какъ для
не физиковъ на это потребовалось бы особое
разсужденне.

Уловка 26. Argumentum ad verecundiam.

Вмѣсто того, чтобы приводить всякня доказа-
тельства пользоваться авторитетами, конечно,
сообразуясь съ знаннемъ противника. Unusqui-
sque mavult credere, quam judicare" - го-
воритъ Сенека. По этой причинѣ легко вести
споръ, когда на своей сторонѣ имеешь авто-
ритетъ, котораго уважаетъ противникъ. Чѣмъ
ограниченнее знанне и способности противника,
тѣмъ большее количество авторитетовъ имѣетъ
для него значенне. Если же онъ обладаетъ

очень хорошими способностями, то или мало,
или совсѣмъ не признаетъ авторитетовъ. Само

- 44

собою разумеется, что онъ согласится съ авторитетными специалистами въ мало ему известной или совершенно неизвестной науке, искусстве, ремесле, но и то съ известнымъ недовериемъ. Наоборотъ, люди обыкновенные относятся къ нимъ съ глубокимъ уважениемъ и почтениемъ; они совершенно не знаютъ того, что тотъ, кто дѣлаетъ изъ предмета ремесло, любить не самъ предмет, но выгоду и пользу, вытекающую изъ него; имъ также неизвестно, что тотъ, кто учить чему либо другихъ, самъ основательно не знаетъ этого предмета, потому что тому, кто самъ изучаетъ предметъ обыкновенно не остается свободного времени на обучение другихъ. Но у толпы всегда есть много уважаемыхъ авторитетовъ: поэтому, когда намъ недостаетъ дѣйствительнаго авторитета, можно взять только кажущийся и привести то, что сказано въ совершенно другомъ смыслѣ и при другихъ обстоятельствахъ. Больше же всего имеютъ влияние и, большое значение тѣ авторитеты, которыхъ противникъ совершенно не по-

нимаешь. Напримѣръ, люди неученые больше всего уважають латинскихъ и греческихъ философовъ. Съ авторитетами можно делать все, что угодно, не только допускать натяжки, но даже совершенно искажать смыслъ. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ можно даже цитировать авторитеты собственнаго воображения.

- 45 -

По большей части у противника нѣтъ подъ рукой книжки, а если и есть, то онъ не умѣетъ съ нею справляться.

Вотъ самый лучший примѣръ какой только можно найти. Одинъ французскій священникъ, чтобы не мостить улицу передъ своимъ домомъ, какъ того требовали отъ всѣхъ домовладѣльцевъ, привелъ следующую фразу изъ Библии: "paveant illi, ego non pavebo" чѣмъ совершенно убедилъ представителей городского управления. Наконецъ можно выдавать за авторитеты общія предразсудки, потому что большинство людей соглашается съ мнѣніемъ Аристотеля. Нѣтъ такого самаго безсмысленнаго взгляда, котораго бы люди легко не усвоили себѣ, разъ имъ удастся вразумить, что онъ общепринятъ и вездѣ распространенъ. Примеръ также благотворно дѣйствуетъ на умы людей, какъ и на

ихъ поступки. Какъ бы то ни было, странно, что общепризнанное мнѣние имѣть на нихъ такое влияние разъ имъ извѣстно, какъ эти мнѣния принимаются людьми на вѣру, безъ всякаго со своей стороны обсуждения, только на основаніи чьего либо примера. Происходить это по всей вероятности отъ того, что большинство людей лишено самопознания. Только весьма немногіе повторяютъ за Платономъ: толпа имѣть много причудъ, и если бы кто захотѣлъ сообразоваться съ ними, взялъ бы на себя непосильную работу.

46

Всеобщность мнѣнія, серьезно говоря, не доказательство, ни даже вероятное основаніе его правильности. Утверждающіе противное, должны допустить 1) что удаленіе во времени лишаетъ силы эту всеобщность, иначе имъ пришлось бы вернуться ко всѣмъ старымъ заблужденіямъ, некогда признававшимся всеми за истину, напримѣръ къ системѣ Птолемея или къ возстановленію католицизма въ христанскихъ странахъ. 2} То же самое можно сказать и относительно отдаленности въ пространствѣ. Иначе всеобщность мнѣній поставила бы въ затрудни-

тельное положение последователей буддизма, христианства и ислама (Bentham, *Tactique des assemblees legislatives*, vol. p. 70.).

То, что называют общим мнением, называется, составляет меньше двух-трех особь; мы убедились бы в этом, если бы могли присутствовать при истории возникновения какогонибудь такого мнения. Тогда бы мы нашли, что первоначально приняли его, выставили и утверждали два-три человека, некоторые же были настолько добры, что повѣрили, будто первые его вполне основательно изслѣдовали. На основании предразсудка этих последних о достаточных способностях первых,

47

приняли то же мнение другие. Этим в свою очередь поверили еще многие, которым льность подсказывала совет поверить на слово и не тратить время на испытание. Так со дня на день возрастало количество этих лънивых и легковерных последователей, потому что как только мнение получало за себя достаточное число голосов, следующие уже полагали, что оно могло достигнуть этого лишь благодаря прочности своих оснований. Остальные должны были допустить то, что допускалось всеми, чтоб их не счи-

тали безпокойными людьми, возстающими противъ общественнаго мнѣнія, и дерзкими мальчишками, которые хотятъ быть умнѣе всѣхъ на свѣтъ. Тогда уже немногие, способные къ сужденію, должны молчать, а те, которые могутъ говорить, совершенно неспособны имѣть собственное сужденіе, а представляютъ только отголосокъ чужихъ мнѣній, которыя они защищаютъ съ большею ревностью и нетерпимостью. Они ненавидятъ въ думающемъ иначе не столько другое мнѣніе, котораго онъ придерживается, сколько нахальство благодаря которому онъ судить самостоятельно, на что они никогда не отважатся и что въ душе отлично сознаютъ. Короче сказать, мыслить станутъ очень немногие, а свое мнѣніе хотятъ имѣть всѣ поголовно. Что же имъ при такомъ положеніи вещей остается, какъ не зазубрить и голословно повторять готовыя

- 48 -

чужія мнѣнія, вместо того, чтобы составлять ихъ самимъ! Если дело происходитъ такимъ образомъ, то что же значить голосъ ста миллионовъ людей? То же, что какой-нибудь историческій фактъ, который встречаешь повторяющимся у сотни историческихъ писателей, когда потомъ оказывается, что всѣ они описали его

другъ съ друга, такъ что въ концъ концовъ
все сводится къ сообщению одного и того же
(Bayle. *Pensees sur les cometes*. Vol. I,
P. 10.).

Dico ego, tu dicis, sed denique dixit et
ille:

Dictaque post tot ties, nil nisi dicta vi-
des.

Тъмъ не менѣе въ споре съ обыкновенными
людьми можно пользоваться общимъ мнѣниемъ,
какъ авторитетомъ.

Вообще, когда спорять между собою две
заурядныя головы, оказывается, что избираемое
ими обѣими оружие большею частью сводится
къ авторитетамъ; авторитетами они тузятъ другъ
друга. Если болѣе способной голове прихо-
дится имѣть дело съ плохой, то и для этой
последней самое благоразумное взяться за то
же оружие, выбирая его сообразно слабымъ
сторонамъ противника. Противъ оружия логи-
ческихъ оснований противника *ex hypothesi*,
окунувшись въ пучину неспособности къ мыш-

- 49 -

лению и суждению, достаточно крѣпко зака-
ленъ, какъ Зигфридъ.

При законодательстве, въ судахъ диспуты производятся только при помощи авторитетовъ, авторитета твердо установленного закона. Для осуждения достаточно отыскать и привести соответствующую статью закона, то есть такую, которая примѣнительна къ данному случаю. Но и здѣсь остается большое поле дѣйствія для диалектики, потому что, въ случай надобности, данный случай и законъ, хотя они собственно и не подходятъ другъ къ другу, переворачиваются на всѣ стороны до тѣхъ поръ, пока не окажутся подходящими или наоборотъ.

Уловка 27. Когда не знаешь, что отвѣчать на утверждения противника, то можно съ деликатной иронией признаться въ своей некомпетентности: "То, что вы говорите не доступно моему слабому уму; можетъ быть вы и правы, но я не понимаю этого, потому отказываюсь высказать какое-либо мнѣніе". Такимъ образомъ слушатели, у которыхъ пользуешься уваженьемъ, вполне убеждены, что твой противникъ говорить ужасный абсурдъ. Такъ, примѣръ, по выходѣ въ свѣтъ "Критики чистаго разума" или, вернѣе сказать, въ самомъ начале того периода, когда оно стало интересоваться и волновать людскіе умы, многие профессора диа-

лектической школы объявили: "мы этого не

50

понимаемъ", думая, что такимъ путемъ имъ удалось очень тонко и хитро отделаться отъ этого.

Но когда некоторые последовали новой школы доказали имъ, что они вправъ были это сказать, такъ какъ действительно ничего не понимали, то эти ученые старой школы страшно разсердились.

Этой уловкой можно пользоваться только въ томъ случае, когда вполне сознаешь, что пользуешься въ глазахъ слушателей большимъ авторитетомъ, чьмъ твой противникъ; напримеръ, когда спорять профессоръ и студентъ.

Въ сущности этого приемъ принадлежитъ къ предыдущей уловкѣ и составляетъ особенно коварный способъ замъны достаточныхъ оснований собственнымъ авторитетомъ. Опровергать эту уловку можно слѣдующимъ образомъ: "Простите, но при вашей проницательности, вамъ не составитъ ни малѣйшаго труда понять это; виновать, конечно, я, такъ какъ слишкомъ неясно изложилъ предметъ", а потомъ слѣдуетъ разжевать и положить противнику въ ротъ, вопреки его собственному желанию, для того,

чтобы онъ самъ пришелъ къ убеждению, что,
действительно, сначала ничего не понималъ.

Такимъ образомъ уловка возвращена обрат-
ратно.

Противникъ этимъ хотѣлъ внушить слушате-

51

лямъ мысль, что мы принимаемъ за тезисъ "аб-
сурдъ", между тѣмъ мы доказали только всю его
"непонятливость".

И то и другое не переступаетъ границъ
вежливости и приличия.

Уловка 28. Очень легко можно устранить
или по крайней мѣрѣ сделать подозрительнымъ,
некоторые выставленные противъ насъ утвер-
ждения противника. Надо только свести ихъ
к какой-нибудь презираемой всеми или
неуважаемой категории, конечно, если эти
утверждения имеютъ какую-нибудь, хотя самую
слабую связь съ ними. Въ такомъ случае обыкно-
венно восклицаютъ: "э, голубчикъ, да вѣдь это
манихейство! это арианство! это пелапанство! это
идеализмъ! это спинозизмъ! это натурализмъ,
пантеизмъ! рационализмъ! это спиритизмъ! это
мистицизмъ! и т. д.

При этомъ можно допустить слѣдующее:

1) Что утверждение есть действительно

идентично съ приведенной категорией, или по крайней мере въ ней заключается, тогда мы кричимъ: "о, это уже давно всѣмъ известно!"

2) Что категория эта совершенно опровергнута и что въ ней нѣтъ ни на йоту правды.

Уловка 29. "Можетъ быть это справедливо въ теории, но на практикѣ совершенно ложно.

При помощи этого софизма люди въ прин-

- 52 -

ципъ соглашаются, но въ то же время опровергаютъ выводы, вопреки правилу: *a ratione ad rationitum valet consequentia*. Подобное утверждение домогается и требуетъ невозможнаго, ибо что всѣмъ известно, то, что вѣрно въ теории, должно быть вѣрно и на практикѣ, въ противномъ случаѣ надо предположить, что въ самую теорию вкралась какая-то ошибка, которую въ данную минуту не заметили.

Уловка 30. Когда противникъ не даетъ никакого прямого отвѣта на вопросъ или приведенный аргументъ, а уклоняется посредствомъ косвеннаго отвѣта, или задаетъ въ свою очередь вопросъ, или какимъ-нибудь совершенно другимъ путемъ, не относящимся къ дѣлу, стремясь въ то же время перескочить на какую-

нибудь другую тему разговора,- то это именно служить лучшим доказательствомъ, что мы коснулись случайно его слабой стороны, иначе, что онъ умышленно умалчиваетъ объ этомъ.

Поэтому надо все время напирать на этотъ пунктъ и не выпускать противника даже тогда, когда мы сами еще не знаемъ, въ чемъ именно заключается эта слабая сторона, которой мы коснулись.

Уловка 31. Данная уловка, если только ею можно воспользоваться, замѣняетъ собою всѣ остальные. Въмѣсто того, чтобы производить влияние на умъ противника основаниями, надо при

- 53 -

помощи мотивовъ действовать на волю противника и слушателей. Ничего, если слушатели склоняются на сторону противника, они сейчасъ вернутся къ нашему мнѣнию, хотя бы оно происходило изъ дома умалишенныхъ. Обыкновенно одинъ лоть воли гораздо больше имѣетъ значенія, чѣмъ цѣлый центнеръ пониманія и убѣждения. Конечно, такъ поступать можно не всегда, но только въ извѣстныхъ случаяхъ, напримѣръ, если можно дать понять противнику, что если онъ своему взгляду будетъ придавать большое значеше, то сильно повредить

своимъ интересамъ. И онъ моментально откажется отъ своего взгляда, съ такой быстротой, какъ обыкновенно бросаютъ неосторожно взятый руками раскаленный кусокъ желъза.

Если, напримъръ, духовное лицо защищаетъ какой-нибудь философскій догматъ, то стоитъ только ему напомнить, что онъ такимъ образомъ грѣшитъ противъ основного догмата своей церкви, какъ онъ моментально отъ него отступится.

Если землевладѣлецъ распространяется и доказываетъ громадную пользу машинъ въ Англіи, где паровая машина исключаетъ почти совершенно людской ручной трудъ, дайте ему понять, что скоро паровыя машины замѣнятъ упряжныхъ лошадей, причемъ онъ понесетъ большой убытокъ, такъ какъ упадетъ цена на лошадей всехъ заводовъ, а следовательно и его

- 54 -

многочисленнаго и благоустроеннаго завода, и увидите, что изъ этого выйдетъ. *Quam temere in nosmet legem sancimus iniquam.*

То же происходитъ, если слушатели принадлежатъ къ одной съ нами секты (роду занятія, оружія, клубу и т. д.), а противникъ къ другой. Пусть его тезисъ будетъ вѣренъ, но разъ мы намекнемъ, что онъ противоречить общимъ

интересами" упомянутого цеха, все слушатели станут считать его аргументы слабыми и жалкими, хотя бы даже они были превосходны, наши же - на самом деле самые фантастические кажутся им верными и хорошими. Присутствующие хором подадут за нас голос, а побежденный противник сойдет, понуря голову, со старта.

Уловка 31. Озадачить и сбить противника с толку бессмысленным набором слов и фраз. Эта уловка основывается на том, что "люди, если чтонибудь слышат, привыкли думать, будто под фразами скрывается какая-нибудь мысль".

Если противник такой человек, который в душе сознает свою слабость и привык слышать много непонятных вещей и делать вид, что все отлично понимает, то можно импонировать ему, засыпая его с совершенно серьезным выражением лица ученым или глубокомысленно звучащим абсурдом, от ко-

- 55 -

торого у него онемеют слух, зрение и мысль; все это можно выдавать за бесспорное доказательство своего тезиса. Всем известно, что подобную уловку употребляли в последнее

время немецкие философы съ поразительнымъ успѣхомъ, когда имѣли дѣло даже съ большимъ скоплениемъ публики. Но такъ какъ *exempla* были бы *odiosa*, то сошлемся на старый примеръ, приведенный Гольдсмитомъ (*Vicar of Wakefield*, p. 30).

Уловка 33. (Эту уловку надо употреблять одной изъ первыхъ). Когда противникъ на самомъ деле правъ, но на счастье приводить плохія доказательства, легко бываетъ опровергнуть это доказательство и приписать это опровержение опровержению всего тезиса.

Вся суть заключается въ томъ, что мы выдаемъ аргумента *ad hominem* за аргументъ *ad rem*. И если противнику или слушателямъ случайно не придетъ на умъ настоящее доказательство, тогда мы победили. Напримѣръ, если кто-нибудь, доказывая, что Богъ существуетъ, приведетъ онтологическое доказательство, которое легко опровергнуть. Вотъ путь, благодаря которому плохія адвокаты проигрываютъ хорошия дѣла и стремятся оправдать ихъ закономъ, который непримѣнимъ въ данномъ случае, и не находятъ соответствующей статьи.

Отсюда заключительный выводъ: между споромъ in colloquio privato s. familiaris и disputatio solemnitas publica нтъ существенной разницы, разве только та, что въ послѣднемъ случай требуется, чтобы тотъ, кто отвѣчаетъ (Respondens), непременно оказался правъ противъ возражающаго (Opponens) и потому, въ случай надобности, председательствующий (Praeses) спешить къ нему на помощь. Кромъ того аргументация производится болѣе формально при чемъ эти аргументы очень охотно облекаются въ форму суроваго, строгаго вывода.

Последняя уловка. Когда замѣчаешь, что передъ тобою болѣе сильный противникъ, придирайся къ нему при первомъ удобномъ случаѣ, будь съ нимъ грубъ и двуличенъ.

Придирка состоитъ въ томъ, чтобы удалиться отъ предмета спора (такъ какъ здѣсь дело проиграно) и перейти на личную почву, т. е. такимъ или другимъ путемъ напасть на личность спорящаго. Этотъ приемъ можно было бы назвать *argumentum ad personam*, чтобы отличить отъ *argumentum ad hominem*. Этотъ послѣдний аргументъ возвращается къ объективному предмету и заставляетъ придерживаться

того, что противникъ сказалъ или какого мнѣ-
нiя придерживался о данномъ предмете раньше;
когда же дѣло доходить до личности, то пред-

57

метъ уходить совершенно на задшй планъ и
нападение направляется на личность противника
язвительно злобно и грубо. Такой переходъ
можно назвать скачкомъ отъ силъ духовныхъ
къ силамъ физическимъ или животнымъ. Это
излюбленный приемъ всѣхъ людей, такъ какъ
большинство изъ нихъ обладаетъ способностью
къ выполнению его. Возникаетъ вопросъ: какъ надо
поступать противной сторонѣ, чтобы отразить
это нападение? Если эта сторона захочетъ вос-
пользоваться этимъ же орудиемъ или тѣмъ же
премомъ, неизбежно произойдетъ драка, воз-
никнетъ дуэль или судебный процессъ объ
оскорблении.

Ложно мнѣние, будто совершенно достаточно
не обращать на это вниманiя и самому не пе-
реходить на личность противника.

Гораздо больше можно разозлить противника,
доказывая ему совершенно хладнокровно, что
онъ неправъ, а потому неправильно рассу-
ждаетъ и высказываетъ мнѣние (подобное встре-
чается при всякой диалектической побѣдѣ), чѣмъ

грубымъ и оскорбительнымъ возражениемъ.

Почему? А потому, что такъ говорить Гоб-

бесъ: (De cive, cap, 1) "Omnis animi vo-

luptas omnisque alacritas in eo sita est,

quo dquis habeat, quibuscumque conferens

se, possit magnifice sentire de se ipso".

Для чело́вька нѣтъ ничего выше удовле́творе-

- 58 -

ния его тщеславия, и не одна рана не болить

сильнее той, которая нанесена ему самому.

(Отсюда происходят подобнаго рода мнѣнія,

что "честь дороже жизни" и т. д.) Удовлетво-

рение тщеславия возникаетъ главнымъ образомъ

изъ сравнения самого себя во всѣхъ отноше-

шнихъ съ другими, въ особенности же по отно-

шению духовныхъ силъ. Это действительно въ

сильной мѣрѣ замечается во время спора. От-

сюда понятно озлобление побѣжденнаго, хотя

бы къ нему и не отнеслись несправедливо;

вотъ отчего онъ хватается за послѣднія сред-

ства, за эту послѣднюю уловку, которой нельзя

избегнуть при помощи простой вежливости.

Однакожъ хладнокровие можетъ помочь и здѣсь.

Стоить только, когда противникъ переходить на

личную почву, заметить ему, что это къ делу

не относится, и, возвратившись опять къ пред-

мету, продолжать доказывать, не обращая внимания на нанесенное оскорбление, то есть, сделать нечто в родъ того, что Фемистокль сказалъ Эврибиаду: (Бей, но выслушай). Правда, не всякий способенъ такъ поступить. Поэтому единственно вѣрное правило то, которое указываетъ уже Аристотель въ последней главѣ своей *Toricæ*: Не спорить съ первымъ встрѣчнымъ, а только съ тем, о комъ знаешь, что у него достаточно ума для того, чтобы не сказать какого-нибудь такого нелѣпаго абсурда,

59

что потомъ самому же станетъ стыдно: съ темъ, кто можетъ спорить основаниями, а не сентенциями, выслушивать доводы, вникать въ нихъ и, наконецъ, съ тем, кто цѣнить истину, охотно выслушиваетъ доводы даже изъ устъ противника и достаточно справедливъ, чтобы быть въ состоянii, оказавшись неправымъ, если истина на сторонѣ противника, мужественно вынести это. Отсюда слѣдуетъ, что изъ ста людей едва одинъ достоинъ того, чтобы съ нимъ начать споръ. Что же касается остальныхъ, то пусть они говорятъ, что имъ угодно, такъ какъ *despirerc est juris gentium*, и слѣдуетъ подумать надъ темъ, что говорить Воль-

теръ: "la paix vaut encore mieux que la verite" и чему учить одна арабская пословица: "На деревъ молчания висить плодъ его миръ".

60

ДОБАВЛЕНИЕ.

О значении логики и редкости ума.

По моему мнѣнию, значение логики исключительно теоретическое, какъ науки, необходимой для познания существа и правильного течения умственной деятельности и вслѣдствие этого должна быть только аналитикой, а отнюдь не диалектикой. Никакой практической пользы по отношенію правильного мышления и къ отысканію истины логика не даетъ.

Большой вопросъ, поможетъ ли кому нибудь въ спорахъ это знакомство съ диалектикою?

Нетъ сомнѣнія, что одержить побѣду въ спорахъ всегда тотъ, кто отъ природы одаренъ остроуміемъ и быстрой смекалкой, а не тотъ, кто отлично выучилъ правила диалектики. Если кто захочетъ приобрести навыкъ въ веденіи споровъ, то по моему мнѣнию, онъ достигнетъ гораздо скорее успѣховъ, читая диалоги Платона, изъ которыхъ многие представляютъ прекрасные образцы диалектической ловкости, въ

особенности же въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Сократъ
строить ловушки софистамъ и потомъ ловить
61

ихъ, чѣмъ тщательнымъ изучешемъ диалектиче-
скихъ трудовъ Аристотеля, такъ какъ его пра-
вила слишкомъ далеки отъ каждаго даннаго
случая для того, чтобы можно было приме-
нить ихъ и для того, чтобы подбирать ихъ и
приноравливать къ случаю нѣтъ времени. Ло-
гика должна и можетъ привести единственно
къ формальной истинѣ, но не къ материальной.
Она разсматриваетъ понятія, какъ данную вещь
и единственно поучаетъ, какъ съ ними надо
обращаться, при чемъ всегда остается въ сфере
понятія; но существуютъ ли действительно *in re-*
rum natura вещи, соответствующія этимъ слу- 1
чаямъ, согласуются ли понятія съ настоящими
вещами или къ вещамъ самовольно вымышлен-
ныхъ, это до нея совершенно не касается. Вотъ
почему при самомъ серьезномъ и при самомъ
правильномъ мышлении можетъ быть пол-
нѣйшее отсутствие содержания, или содер-
жение можетъ блуждать и кружиться около
абсолютныхъ призраковъ. Такъ было въ схо-
ластике, такъ бываетъ во многихъ важныхъ
разсужденіяхъ при произвольныхъ тезисахъ,

особенно же въ философии.

Выводить мнения изъ мнений - вотъ все, чему поучаетъ логика и что можетъ сделать умъ, предоставленный самому себе. Но, чтобы какъ слѣдуетъ и безошибочно исполнить это, умъ вовсе не требуетъ никакой науки о законахъ

62

своей деятельности, но дѣйствуетъ правильно совершенно самостоятельно, лишь только ему предоставлен, полный произволъ и коль скоро онъ предоставленъ самому себѣ. Совершенно неосновательно думать, что отъ логики можно имѣть какую-нибудь практическую выгоду и что она можетъ научить правильному мышлению: въ такомъ случаѣ следовало бы вывести заключение, что тотъ, кто не учился логике, всегда противоречиво мыслить, не признаетъ закона исключеннаго третьяго, то есть, что между двумя противоположными положениями не можетъ быть третьяго или же соглашается съ выводами подобными следующему:

Всѣ гуси имѣютъ двеноги:

Хай имѣетъ две ноги,

Следовательно Хай-гусь.

Тогда пришлось бы думать, что только благодаря логике человѣкъ узнаетъ, что думать и

выводить такие заключения, как мы сейчас привели, нельзя.

Конечно, в таком случае логика была бы необходима, но человечеству пришлось бы очень плохо. На деле, разумеется, это не так; совершенно неправильно говорить о логике там где разумеешь здравый ум. Приходится иногда читать такого рода похвалы "писателю": в сочинении много логики", вместо того чтобы сказать: "Оно содержит правильное суждение и

- 63 -

выводы"; или часто слышишь: "ему бы следовало прежде поучиться логике", вместо: "ему бы следовало поработать умом и подумать прежде чем писать". Много встречается ошибочных суждений, ошибочных же заключений, когда дело касается чегонибудь серьезного, встречается замечательно редко; можно сделать ошибочный вывод только второпях, но стоит немного подумать и ложность этого вывода сразу обнаруживается и исправляется. Здравый разум настолько же всеобщ, насколько редко правильное и серьезное суждение. Но логика дает указание только того, как следует заключать, то есть, как обращаться с суждениями уже готовыми, а не того, как получить первона-

чально эти суждения. Возникновение ихъ лежитъ въ наглядномъ познании, которое находится внѣ сферы логики. Суждение переносить наглядное познание въ абстрактное, а на - это въ логике мы не встрѣчаемъ правилъ. Въ заключении никто не ошибется, потому что оно состоитъ только въ томъ, что тамъ, гдѣ ему даны всё три термина, оно правильно определяетъ ихъ соотношения, а въ этомъ никто не ошибется. Самая большая трудность и опасность ошибки лежитъ въ установлении и распределении посылокъ, а не въ извлечении изъ нихъ заключений: последнее делается неизбежно и само собою. Другое дело отыскание посылокъ,

64

а здѣсь какъ разъ логика покидаетъ насъ: отыскать сначала *propositio maior* есть дѣло рефлектирующаго разсудка, на примѣръ, сказать: "Все животныя, имѣющія легкія имѣютъ голосъ". Если суждения эти правильны и находятся налицо, то выводъ заключения есть детская игра, а къ нему только и относятся логическія правила. Правильность суждений логика предоставляетъ разсудку, и въ этомъ вся трудность. Итакъ, нечего бояться ложныхъ заключеній, а

только ложныхъ суждений, какъ это и подтверждается на каждомъ шагу опытомъ.

Не только рефлексивный разумъ, которому обязаны всѣ великия открытiя и важныя истины, оказывается исключительнымъ въ единичныхъ личностяхъ и вообще совершенно не составляетъ принадлежности чловѣка, но даже разумъ, имѣющий уже правило, понятие, абстракцию и массу отдѣльныхъ случаевъ, данныхъ ему наблюдениемъ, - разумъ, вся задача и цѣль котораго основывается единственно на томъ, чтобы убедиться, подходятъ ли извѣстные случаи подъ данное правило; даже субсумирующий, какъ я утверждаю, разумъ едва ли можно приписать обыкновенному чловѣку; по крайней мѣрѣ у большинства людей онъ чрезвычайно слабъ. Мы видимъ, что даже тамъ, где суждение людей не совсѣмъ подкуплено личными выводами и интересами (какъ по

- 65 -

большой части бываетъ), все-таки главнымъ основаниемъ считаютъ авторитетъ; они идутъ только по чужимъ слѣдамъ, повторяютъ только то, что слышали отъ другихъ, и хвалятъ, и ругаютъ все единственно по примѣру другихъ.

Раздались апплодисменты - они начинают аплодировать, раздается свистъ - и они начинают свистать. Если видятъ, что другие бѣгутъ за кѣмъ-то - и они, не отдавая себѣ отчета, бегутъ вслѣдъ за ними. Если видятъ кого-нибудь покинутымъ, боятся подойти къ нему. Въ жизни большинства людей, навѣрно нѣтъ ни одного такого случая, о которомъ можно было бы сказать, что они порѣшили такъ поступить и обсудили единственно на основаніи собственнаго разсудка. Они похожи въ этомъ случаѣ на овецъ, идущихъ за бараномъ: если онъ перескочилъ черезъ заборъ или черезъ ровъ, скачутъ все до одного и онъ; если обошелъ, обходятъ и они.

Не будь этого, какъ можно объяснить факта, что каждая новая, освещенная собственнымъ свѣтомъ, вооруженная вѣчною силою истина, несмотря на всѣ эти достоинства и преимущества, всякій разъ при своемъ появленіи должна выдерживать такой отпоръ со стороны застарѣлаго заблужденія. Поройтесь въ исторіи наукъ и вы убедитесь, какой богатырский бой выдерживала всякая важная новая истина при своемъ появленіи. Сначала принимаютъ ее грубо-

вымъ молчаніемъ, не обращаютъ на нее никакого
вниманія, потомъ противопоставляютъ ей съ триум-
фомъ божка стараго заблужденія въ надеждъ,
что она окаменѣетъ передъ нимъ, какъ передъ
головой Горгоны. Но такъ какъ подобный опытъ,
конечно, терпитъ фиаско, то поднимается отчаян-
ный крикъ, шумъ и гамъ, затѣмъ начинаютъ кри-
тиковать и поносить ее. Благодаря чему же она
остается цѣлой и невредимой? Естественно,
благодаря тому, что съ теченіемъ времени на-
чинаютъ съ ней соглашаться и принимаютъ ее
отдѣльные лица, добиваются какими-либо пу-
тями авторитета и въ конце концовъ перено-
сятъ свое мнѣніе и прививаютъ толпѣ. Совер-
шается это весьма медленно, и окончательный
результатъ получается только тогда, когда че-
ловѣкъ, сделавши открытіе, окончилъ свое жал-
кое существованіе на землѣ и отдыхаетъ после
многотрудной и многострадальной работы. Кому
нужны примеры, пусть вспомнить исторію Ко-
перника, Галлилея, пусть прочитаетъ исторію от-
крытія кровообращенія Гарвея и признаніе ея
всеми учеными спустя тридцать лѣтъ. Насколько
всякій человѣкъ одаренъ разсудкомъ, свидѣ-
тельствуется исторія литературы всѣхъ народовъ.
Хотите ли вы новаго примера, прогрессивное

движение котораго и развитие навѣрно всѣ переживете? Возьмите теорию Гёте; въ этой теории величайшій человекъ, котораго въ течение мно-

- 67 -

гихъ столѣтій произвела Германия - Гёте, опровергаетъ самымъ яснымъ, убедительнымъ и доступнымъ образомъ старое заблуждение Ньютоновской теории красокъ. Книга его написана уже десять лѣтъ; съ тѣхъ поръ я и еще нѣсколько другихъ признали ея справедливость и открыто объявили это миру. Остальная часть ученаго мира ругала ее и твердо держится до сихъ поръ стараго мнѣнія Credo Ньютону.

Своимъ отношеніемъ къ этому вопросу онъ готовить потомству прекрасныя анекдоты. Такъ мало принадлежитъ разсудокъ существеннымъ свойствамъ человека, какъ таковаго! - Величайшіе крикуны - бараны вожаки. Благодаря имъ могутъ существовать литературныя журналы, посредствомъ которыхъ люди позволяютъ составлять сужденія для неизвѣстныхъ лицъ, достаточно безстыдныхъ, чтобы являться непризнанными судьями, и достаточно трусливыхъ, чтобы нападать анонимно на книги, написанныя не анонимно; и люди позволяютъ a priori

навязывать себе эти суждения. Таким образом, оказывается, что венки эти, символы славы и триумфа, раздают у современников журналисты, венки, зелень которых не увядает, пока не выйдет из обращения годичный журнал. Но никогда не увядающее венки, украшенные не сусальным золотом и мишурой рождественных елок, а настоящим - венки, которые

68

не увядают и перед которыми одно за другим проходят столетия, эти венки раздают далеко не журналистами.

Недостаток разсудка, замняемого по большей части чужим авторитетом, иметь еще сильного врага в собственной воле и склонности. Воля всегда тайный враг разума. Поэтому-то чистый разсудок и чистый разум означают такой разсудок и разум, которые совершенно свободны от влияния воли, то есть склонности и только подчиняются собственным законам. Вследствие этого я дам вам правила, как следует поступать, когда стремитесь убедить кого-нибудь в истине, находящейся в прямом противоречии с заблуждением, которого он крепко придерживается, а следовательно составляющем для него некоторые интересы.

Интересы бывают или материальные (то есть, сущность заблуждений составляет для него выгоду, например, если онъ имѣетъ много подданныхъ, а ты стараешься доказать ему варварство крепостного права), или же единственно формальный (то есть, придерживается ошибочнаго взгляда единственно потому, что одинъ разъ ужъ онъ согласился съ этимъ взглядомъ и отречение отъ него и въ то же время признание правоты другого стоило бы ему слишкомъ дорого). Правила, какъ поступать въ данныхъ случаяхъ, чрезвычайно легкия и естественныя; а между темъ, несмотря на все это, очень редко применяются. Обыкновенно поступаютъ наоборотъ: вследствие горячности, поспѣшности и желанія добиться во что бы то ни стало правоты съ громкимъ шумомъ и крикомъ мы заставляемъ человѣка, придерживающагося совершенно противоположнаго заблужденія, согласиться съ нашимъ выводомъ. Благодаря этому упомянутый человѣкъ закусываетъ удила, напрягаетъ свою волю противъ всехъ основашй и суждений, приводимыхъ нами въ послѣдствіи, о которыхъ онъ уже знаетъ, къ какому ненавистному для него заключенію они

- 69 -

приведуть. Благодаря этому приему все сразу рушилось. Согласно же нашему правилу мы должны, наоборот, хранить свое заключение совершенно *in petto*, изолировать его и выставить только посылки, но зато полно, ясно и всесторонне. Отнюдь мы не должны выводить сами заключения, но заставить это сделать того, кого хотимъ убедить. Признать это онъ можетъ потомъ втайнѣ, самъ для себя и съ темъ большею правдою. Тогда онъ легче согласится съ истиной, такъ какъ не будетъ стыдиться, что его убедили а наоборот - будетъ гордиться темъ, что позналъ истину и пришелъ къ такому убеждению самъ. Такъ тихо и незамѣтно должна проникать истина среди людей. Въ торжественныхъ и опасныхъ случаяхъ, гдѣ является не-

- 70 -

который рискъ въ противорѣчии, освѣщенномъ заблуждениями, бываетъ недостаточно не высказывать и скрывать заключения; можно даже вывести совершенно ложное заключение, согласное съ освѣщеннымъ заблуждениемъ, когда посылки вполне установлены.

Антоний: Yes, Brutus says he was ambitious - And Brutus is an honorable man.

Какъ бы обманъ ни былъ очевиденъ, онъ

замечается не сразу, такъ какъ люди слишкомъ
объяты и опутаны заблуждениемъ. Правильное
заключение постепенно могутъ вывести только
они сами люди, ибо основа познания, какъ и всякая
основа, влечетъ за собою неизбежно свое послѣд-
ствие и истина выходитъ наружу (такъ посту-
палъ Кантъ). Вотъ, какимъ образомъ должна
въ этомъ мирѣ прокладывать себе путь истина!

К сожалению в электронной версии пришлось
опустить оригиналы цитат на др.греческом,
что впрочем,не отразилось на смысле высказанного,
но все же исчезла возможность толкования перевода.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

